

A black, featureless mask is held in a hand against a dark background with warm, out-of-focus lights. The mask has two eye holes and a small opening for a mouth. The background consists of numerous soft, glowing bokeh spots in shades of yellow, orange, and white, suggesting a festive or nighttime setting. The overall mood is mysterious and dramatic.

16+

Андрей Якубовский

Михаил

Андрей Васильевич Якубовский

Михаил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66837033

SelfPub; 2021

Аннотация

90-е годы прошлого века богаты на приключения. История встречи с авантюристом, первый опыт общения с талантливым мошенником, вот о чем рассказ "Михаил".

Андрей Якубовский

Михаил

В памяти осталось только его архангельское имя, внешность уже давно забылась, как что-то ненужное. К тому же с тех давних времен в душе живет неистребимое чувство стыда и неловкости за себя самого. То, что это все произошло в начале 90-х годов, не оправдывает моей глупости. Да, это был 1992 год. Я только закончил институт и приехал в родной город, чтобы поразить мир, сделать его лучше и красивее. А если конкретно, то возглавить драматический кружок родной школы и получить статус внештатного корреспондента районной газетки, маленькой, но гордой. Так начиналась взрослая жизнь.

Городок мой совсем небольшой, но для туристов интересный. Правда, все его красоты можно осмотреть за несколько часов: церковь XVIII века, давно пустующий дворец помещика, владевшего этими местами, несколько старых домов на центральной площади, да гостиный двор. Можно добавить, конечно, патриархальную атмосферу, милую провинциальную размеренность, но ценителей этих достопримечательностей не так уж и много. Добавим сюда удаленность от крупных культурных центров и получим захолустье в самом

классическом виде.

Он появился вдруг, в самом конце августа. Невысокий мужчина лет тридцати и шестилетняя девочка. Имела эта парочка «нездешний» вид: дорогая одежда, неспешный прогулочный шаг, неуверенность в маршруте – всё выдавало в них приезжих.

Уж не знаю, каким образом мой друг-художник Стёпка познакомился с Михаилом, но когда я зашел в мастерскую, они болтали совершенно по-дружески.

— Знакомьтесь, – Стёпа был галантен и вежлив.

— Михаилий – сказал незнакомец и протянул руку. Фамилия заставила выпрямить спину и взглянуться внимательнее в лицо. Хм... Вроде похож.

Есть такие фамилии, которые известны всякому, кто учился в средней школе. Когда ты знакомишься с человеком, носящим такую фамилию, чувствуешь неловкость и ответственность. В России это может быть Пушкин, в Польше Мицкевич, во Франции Стендаль, в Англии Диккенс... Перечислять можно бесконечно. Итак, мы познакомились.

Беседа продолжалась, но непринужденной её назвать было нельзя. Мы со Стёпкой лезли из кожи вон, чтобы оставить хорошее впечатление – интеллигентные и творческие лич-

ности, а наш гость делал вид, что этих стараний не замечает. Разговор становился всё увлекательнее. Михаил рассказывал о своей работе в Министерстве культуры, о старой чиновничьей гвардии, которая не может интегрироваться и переконаться, не может мыслить самостоятельно, а только ждет указаний. Дальше как-то плавно перешли на дефицит молодежи в культуре и искусстве. За молодыми талантами и приехал Михаил в глубинку.

Рядом с папой сидела девочка, тихая и послушная. Она буквально выполняла все, что скажет Михаил. Он говорил: «Иди побегай», – она шла и бегала до тех пор, пока он её не позвал. Он говорил: «Кушай», – она кушала Стёпкины конфеты и печенье до тех пор, пока он её не остановил. Наблюдая за этим процессом, я думал о странной, но очевидно семейной, проверенной многими поколениями, системе воспитания.

Михаил был велеречив, но точен и сдержан. Сообщил, что в нашем городе он пробудет еще пять дней, после чего здесь состоится заседание коллегии Министерства культуры, которая будет именно в нашем городе искать пути решения проблем реставрации важных культурных объектов. Наш город был выбран по предложению гостя, восхищенного красотой церкви и патриархальностью атмосферы. Расставались мы друзьями, получили приглашение на коллегию, чтобы позна-

комиться с министром и продвинуть тем самым нашу творческую карьеру. Уходя, Михаил посетовал, что оставил кошелек в гостинице, а дочку нужно покормить горячим ужином. Стесняясь, попросил одолжить ему небольшую сумму, которую он, разумеется, вернет при встрече на коллегии. Вместе со Стёпкой наскребли около 600 рублей, не бог весть какие деньги, но на хороший ужин в ресторане хватало.

Через два дня в городе началась нехарактерная движуха, другими словами – переполох. Михаил нанес визит в Дом культуры, отдел культуры местного райисполкома, а также в церковь, музей и библиотеку. Слухи о скором приезде самого высокого начальства распространились быстро, подготовка началась.

Директор ДК созвонился с директором единственной гостиницы, который подтвердил фамилию своего постояльца и сказал, что лично его оформлял и видел паспорт. Теперь всем стало понятно – грядет нечто необыкновенное. Единственный, кто сообщил о грядущем событии начальству, был батюшка, настоятель храма. Он позвонил в канцелярию епископа и рассказал о визите «властителей». В начале 90-х церковь не состояла еще в нежных отношениях с государством, поэтому епископ посоветовал должным образом подготовить храм к визиту, но обойтись без совместной трапезы и к причастию «властителей» не склонять.

Город преображался на глазах, но главные подготовительные мероприятия были скрыты от глаз жителей. В единственном ресторане была объявлена мобилизация. За продуктами для банкета отправили гонцов в краевой центр. Бармен в срочном порядке изучал состав коктейлей, осваивал технологию их приготовления. В малом зале ДК, отведенном для заседания коллегии, заменили всю мебель, организацией кофейной паузы занималась лично жена председателя городского совета. Генеральная уборка проходила в музее, библиотеке, музыкальной школе. Все скоблили, чистили, оттирали и закрашивали. А туалет на автобусной станции срочно закрыли на ремонт.

Пока в городе бушевало самое настоящее Возрождение, мы со Стёпкой тоже готовились. Я писал экспликацию будущего гениального спектакля, он собирал свои картины по чердакам и подвалам, готовился к будущей персональной выставке в самой престижной столичной галерее. Мы готовились встретить министра во всеоружии, чтобы никаких сомнений у него не осталось в том, что мы свежи, талантливы и энергичны.

Все это время Михаил с дочкой деловито передвигался от одного культурного учреждения к другому, одобрительно отзывался о кипучей деятельности и приготовлениях. Давал

советы повару, без доклада входил в кабинеты местных правителей. Ел, пил, кормил дочку и... знакомился, знакомился, знакомился...

Наступил великий день. С вымытой шеей, в белоснежной сорочке и единственных приличных брюках, я болтался возле ДК в ожидании министра. В руках у меня была папка с экспликацией. Стёпка пришел причесанный, что уже было неожиданно. В руках он держал картину, аккуратно завернутую в толстую бумагу. Если министр похвалит этот городской пейзаж, то ДК его обязательно купит! Стёпка был озабочен доставкой своих шедевров в галерею, ему нужны были деньги.

Скоро на крыльцо главного очага культуры вышел директор. Телефон в его кабинете разрывался, ресторан поминутно интересовался, когда начнется банкет, потому что улиток а ля Прованс нужно подавать сразу из печи, иначе будут резиновые. Директор сбежал от телефона, он не знал ответов на вопросы и никогда раньше не пробовал улиток а ля Прованс. Количество ожидающих возросло, напряжение сгущало августовский день, нервы рвались...

Михали появился вовремя. Коротко кивнул нам, пошептался с директором, и довольный удалился. Стало понятно – идут! Секунды превратились в часы. Ожидание стало мукой.

Только через два часа мы вдруг поняли – что-то пошло не так. Кто-то куда-то побежал. Кто-то куда-то звонил... О том, что Михаилий, вместе с дочкой, спокойно сел в автобус до краевого центра и уехал, стало известно вечером. Свои ощущения я не забуду никогда. Мне было стыдно и мерзко. Стёпка страшно ругался, гость остался ему должен 400 рублей...

В министерство все-таки позвонили. Там долго не могли понять в чем дело, потом весело смеялись. Улиток и прочие деликатесы съели городские чиновники с директором ДК. Бармену делать было нечего, пили водку.

Я не вспомню точно, сколько денег увез Михаил из нашего города. То, что он одалживал символические суммы у всех, кого встречал, выяснилось через неделю. Рассказывали, что получилось не меньше 800 долларов. Зарплата в 50 долларов в нашем городе тогда считалась шикарной.

С тех пор многое изменилось. У меня давно другая профессия, а Стёпка владеет самым большим цветочным магазином в городе. Там продаются красивые похоронные венки. Я думаю, что он до сих пор мечтает одно из своих лучших произведений возложить на могилку Михаила с известной и

благородной фамилией.